Жена психиатра. Когда любовь становится диагнозом

Автор:
Диана Померанц

Жена психиатра. Когда любовь становится диагнозом

Диана Померанц

За закрытой дверью. У каждой семьи свои тайны

История женщины необычайной стойкости, которая боролась за свое счастье. Сначала за возможность иметь детей – прошла курс лечения, сделала несколько десятков процедур ЭКО и победила бесплодие. После боролась с агрессивной формой рака, смогла вылечиться и вернуться к жизни. Но главный ее поединок был впереди, за свое собственное Я в браке с психотерапевтом.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Диана Померанц

Жена психиатра. Когда любовь становится диагнозом

Имена, а также некоторые признаки и характеристики были изменены в целях сохранения конфиденциальности личной жизни отдельных людей.

Посвящается моим бесконечно любимым детям

Diane Pomerantz

LOST IN THE REFLECTING POOL: A Memoir

Copyright © 2017 Diane Pomerantz

В оформлении обложки использована фотография: F M / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Андреев А.В., перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«У любых отношений есть свой жизненный цикл», – мудро пишет психолог Померанц. В своих захватывающих мемуарах она рассказывает историю брака с харизматичным психиатром, нарциссизм которого со временем становится всепоглощающим. Это история женщины недюжинной силы, которая борется со смертельной болезнью, переживает семейные трагедии и выживает в браке с критически настроенным человеком, не заслуживающим доверия, подрывающим ее уверенность в себе и создающим атмосферу страха. Удивительно честная и захватывающая книга!»

Бетти Хафнер, писатель

«История Дианы, к сожалению, похожа на истории очень многих женщин, которые влюбляются в мужчину и игнорируют первые «звоночки», предупреждающие о том, что выбранный ими человек – не самый лучший кандидат в мужья. Чарльз дарит ей цветы, говорит все то, что надо говорить, но, когда делает что-то неправильно, Диана закрывает на это глаза, считая, что виновата во всем сама. Настоятельно рекомендую».

Readers’ Favorite

«Эта история найдет отклик у тех, кто переживает жизненные трудности. Тех, кто живет с деструктивными партнерами, которые плохо и жестоко к ним относятся, тех, кто борется с раком, бесплодием, тех, кто удочерил или усыновил детей, а также тех, кто переживает горе или потерю. Автор пишет искренне, мудро, ее голос сильный, а жизненная позиция твердая. Таких женщин не победить».

Александра Фарадей, доктор медицины, Greater Baltimore Medical Center

«Мемуары Померанц – это хорошо структурированная история с быстро развивающимся сюжетом и яркими подробностями. Эта книга выделяется на фоне литературы данного жанра. Автор оказывается не только в состоянии пережить ужасный брак, но и победить рак».

BookLife / Publishers Weekly

«Трогательная, смелая и нежная история женщины, пережившей рак и супружескую измену. Померанц показывает нам, как человек в состоянии найти внутренние силы и новый смысл жизни тогда, когда бессмысленно прощать».

Джанис Абрамс Спринг, писатель

«Эта книга – насыщенное эмоциями путешествие, рассказ о любви и жизни, смелости и стойкости. Ранимость и хрупкость автора делают историю еще более реалистичной. Точно так же как дикие цветы в полях выживают, несмотря на то что внешне являются слабыми и хрупкими, Диана переживает выпавшие на ее долю сложности и побеждает их. Померанц выходит из горнила страданий не как бессмертный супергерой, на которого никак не влияет все произошедшее с ним, а как мудрая и вдумчивая женщина, мать и психолог. И эти человеческие качества делают ее рассказ еще более прекрасным».

Чарльз МакКормак, писатель

«Эта смелая и замечательно написанная книга – обязательное чтение для тех, кто жил или живет с партнером, страдающим расстройством личности, а также тех, кто любит хорошую и качественную литературу. В этой истории себя узнают все те, кто был в браке с самовлюбленным человеком. Можно подумать, что такая судьба вряд ли постигнет профессионального психотерапевта, но случается и такое. Диана мастерски и лаконично делится с читателем своей историей жизни с нарциссом, рассказывает о том, как лечилась от бесплодия, взяла приемного ребенка и поборола рак. Я аплодирую смелости Померанц. Эпилог как бы собирает вместе все нити повествования, и в нем автор пишет не о боли и осуждении, а о красоте и любви к жизни. Прочитав эту книгу, можно многому научиться».

MrsXNomore, писатель

Пролог

Как загипнотизированная, я слушала раздающееся, словно аккорды на пианино, бьющее в окно стаккато дождя.

Я посмотрела на свинцово-серое небо, и мой внутренний монолог нарушил донесшийся с улицы резкий звук. За окном промелькнула маленькая серая тень. Неужели это Мистер Баттонс? От этой мысли мне стало не по себе.

Эти события произошли в июле 1994 года, за несколько месяцев до смерти моей матери. Вместе с Чарльзом и детьми мы переехали в очаровательный коттедж на Сент-Джонс-Лейн. Полосатый кот по кличке Мистер Баттонс, принадлежавший прошлым хозяевам дома, часто возвращался и скребся в окно. Тогда я звонила его владельцам – семье Мейсонов, они приезжали и забирали животное. Моя дочь Элли, которой тогда было пять с половиной лет, и сын Сэмми, два с половиной года, обожали, когда в нашем доме появлялся Мистер Баттонс.

– Давайте нальем ему молока и дадим консервированного тунца, – предложила Элли, побежала на кухню и стала искать еду для своего нового любимца.

Приговаривая «Ах ты красавец!», Сэмми, лежа на кровати, гладил длинную серую шерсть кота и играл с его лапами и хвостом.

– Мама, я слышу, что пришел Мистер Баттонс. Можно я его покормлю? – спросила дочь и пошла в кладовку.

– Конечно, можно, – ответила я и стала набирать номер Мейсонов.

– Элли! – резким тоном произнес Чарльз. – Не надо кормить кота. Он от этого только чаще будет сюда приходить, а нам это совершенно не нужно. Я не знаю, почему твоя мама не понимает таких простых вещей, – и, сощурив глаза, муж недоброжелательно на меня посмотрел.

Я хотела ему ответить, но слова застряли в горле.

– Мистер Баттонс хочет есть, и я его с удовольствием покормлю. Почему ты так плохо относишься к животным? – произнесла Элли, и на ее глазах навернулись слезы. Потом дочь убежала в свою комнату и громко захлопнула за собой дверь. Но Сэмми уже впустил кота в дом, и вот теперь они вместе появились в коридоре.

– Элли, кот здесь. Разреши войти, и мы с ним поиграем.

Дверь открыли, и я услышала, как Сэмми сказал: «Не плачь, Элли, вот видишь, это Мистер Баттонс!»

Чарльз молчал. Казалось, что он просто не замечает, как расстраивает детей.

Прошло несколько дней. Однажды вечером мы оба работали на втором этаже и я увидела кота через окно. Дети уже спали, и я на автомате впустила животное.

– Ну вот какого черта ты открыла окно, Ди? Ты же знаешь, что я не переношу эту глупую тварь. И мне надоело безответственное поведение Мейсонов, – с этими словами Чарльз отодвинул свое кресло, схватил Мистера Баттонса и спустился

вниз по лестнице.

Хлопнула входная дверь. Я замерла с телефоном в руке. С улицы раздавались звуки капель дождя, барабанивших по жестяной крыше. Эти удары казались мне взрывами небольших петард, оставлявших серо-белые облачка дыма. Почему-то стало трудно дышать. Я положила телефонную трубку и, покачиваясь, прошла в спальню.

Не знаю, через сколько минут я заметила, что в дверном проеме стоит Чарльз.

– Дело сделано, – пробормотал он.

– Какое дело?

– Мы больше не увидим этого проклятого кота. Я об этом позаботился.

– И что именно ты сделал? – спросила я.

– Я об этом позаботился, как только что тебе сказал. Он уже не вернется.

Чарльз отвернулся.

Я смотрела на его затылок, а потом перевела взгляд на старую, ставшую со временем коричневой фотографию моей бабушки, висевшую на стене чуть дальше того места, где стоял мой муж. Я не двигалась. Стрелки часов замерли, и мои глаза не моргали, а губы неожиданно стали сухими. Было такое ощущение, словно все остановилось.

Потом совершенно неожиданно я почувствовала, что меня тошнит. Я не успела встать, чтобы дойти до ванной, как меня вырвало прямо там, где я сидела.

Сидя в одежде, облитой собственной блевотиной, я думала: «Если я сейчас ничего не скажу Чарльзу, то стану соучастником преступления?»

Я встала, сняла с себя ночную рубашку, бросила ее в корзину для грязного белья, встала под душ и включила мощную струю горячей воды.

Часть 1

1980–1997

Мне кажется, что в определенной степени каждый неправильный поворот, который я сделала в этой жизни… начался с момента бездействия, момента, когда я заметила, что что-то развивается неправильно, но не стала возражать или задаваться вопросом, почему это происходит.

Лея Хагер Коэн. Зарница (Heat Lightning)

Глава 1

Я въехала на территорию больницы сквозь старые ворота в здании, сложенном из крупного булыжника, и, как мне показалось, попала в другую эпоху. Вдоль извилистой дороги росли благоухающие цветущие рододендроны. Путь петлял между невысокими холмами по совершенно идиллической сельской местности, хотя в конце находился комплекс зданий, в которых люди боролись со своими внутренними демонами. Я подъехала к кирпичным строениям конца XIX века, перед которыми на красивых газонах тут и там были расставлены шезлонги. Вспомнились слова, записанные в уставе этой основанной в 1857 году больницы: «Вежливое обращение и удобство для всех пациентов… Никого из пациентов нельзя содержать под землей, каждый из них должен иметь доступ к свету, свежему воздуху, а также располагать собственным личным пространством».

Да, местность, в которой находилось медицинское учреждение, где лечили серьезные заболевания, была самой живописной. После защиты докторской диссертации в этой больнице я прошла курс обучения интенсивной, стационарной и долгосрочной психотерапии. Это было одним из немногих мест в стране, где пациентам оказывали такую помощь. Я приехала туда 1 июля

1980 года. Мне было двадцать девять лет, и я ужасно радовалась представившейся мне возможности повысить здесь квалификацию. По завершении учебы планировала вернуться в Калифорнию, но не скрою, что у меня были мысли о том, что я могу встретить в клинике мужчину, с которым могла бы связать свою жизнь и вернуться вместе домой.

* * *

– Балтимор – это сказка, – говорила я сидевшей рядом со мной в машине подруге Донне. Мы катались по окрестностям в поисках дома, который я могла бы снять. – Я даже представить не могла, что здесь будет так красиво. По сравнению с Балтимором все, что я видела прежде, – сплошные трущобы.

– Да, здесь действительно очень красиво, – согласилась моя подруга. – Я рада, что ты вернулась на Восточное побережье с Западного.

Вскоре мы оказались в жилых районах, покрытых холмами, со старинной викторианской застройкой по обе стороны узких дорог.

– Как же здесь здорово! Мне очень нравится, – тихо произнесла я. Пятнистые тени от крон деревьев бежали по ветровому стеклу, и все было действительно словно в сказке.

Машину начало медленно, но неуклонно сносить к обочине, и Донна вскрикнула от ужаса.

– Эй! Не забывай смотреть на дорогу-то!

– Хорошо, хорошо, прости… Просто я заметила милое кафе с открытыми террасами. Да и до больницы отсюда недалеко. Было бы здорово найти дом в этом районе.

Буквально через пару поворотов, проехав вверх и вниз по склону холмов, под сенью огромных дубов и величественных кленов, чуть в стороне от дороги мы увидели красиво отреставрированный особняк. У въезда стояла табличка с надписью: «Сдается».

– Донна, запиши телефонный номер, позвоню по нему, как только мы вернемся. Вот в этом доме я буду жить!

Я смотрела на высокие окна и красивую веранду, которые, казалось, звали и ждали именно меня. Словно этот дом был создан для того, чтобы здесь я начала все сначала, оставив прошлое позади.

Я въехала туда через две недели.

* * *

Через год я познакомилась с Чарльзом. Это было свидание вслепую. Нас свели общие знакомые. Все, что я о нем знала: Чарльзу тридцать восемь, он психиатр и недавно расстался с женщиной, с которой прожил несколько лет.

Чарльз позвонил и предложил:

– Мы можем встретиться вечером в четверг? В садах Ладью?[1 - Топиарный сад Харви Ладью (англ. Ladew Topiary Gardens) – частное поместье и парковая территория в штате Мэриленд, США.]

– Отличное предложение, но в четверг у меня прослушивание на роль в пьесе, и я не хотела бы его пропустить.

– Так ты актриса? Кажется, меня дезинформировали.

– Боюсь, я всего лишь любитель. Хотя у половины одноклассников осталось мое фото с автографом и словами: «Сохрани это. Со временем фотография будет стоить больших денег». Я уже много лет не играла на сцене. Местная театральная труппа готовит постановку «Абеляр и Элоиза»[2 - Пьер Абеляр – средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант. Элоиза – возлюбленная, тайная супруга и ученица Абеляра, выдающаяся для своего времени женщина.]. Ты слышал о ней?

– Ничего о ней не знаю, кроме того, что это трагическая любовная история. Ты, видимо, рассчитываешь получить роль Элоизы? – спросил Чарльз, и я почувствовала, что он улыбается.

– Конечно. Мне очень нравится эта постановка. Дайана Ригг[3 - Дама Энид Дайана Элизабет Ригг – британская актриса, Дама-Командор ордена Британской империи.] в свое время прекрасно исполнила роль Элоизы. У меня очень мало свободного времени, но, если мне дадут роль, я приложу все силы, чтобы не ударить в грязь лицом. Может быть, встретимся в другой вечер?

– Давай в пятницу? Тогда ты уже сможешь сказать мне, получила роль или нет.

– Отлично. Шансов у меня мало, но, по крайней мере, расскажу, как прошло прослушивание.

Мы договорились о встрече в пятницу, закончили разговор, и я начала читать текст пьесы, который взяла в библиотеке.

Я учила наизусть реплики, но мысленно периодически возвращалась к беседе с Чарльзом. Он показался мне тем человеком, с кем я могла поделиться своими мыслями.

В его тоне и тембре речи было что-то, что вызывало у меня улыбку, и мне очень хотелось с ним встретиться.

Когда я пришла на прослушивание, на сцене разыгрывали диалог высокий мускулистый мужчина со светлыми вьющимися волосами и молодая женщина. Несмотря на ее очевидную привлекательность, я почему-то сразу решила, что роль достанется мне. И вторая мысль следом: «Как здорово будет потом рассказать об этом Чарльзу».

На следующий день мне перезвонили и сказали, что я получила роль. Взбудораженная, я начала готовиться к свиданию. Ровно в 18.30 раздался звонок в дверь, и из большого окна я увидела на своей веранде высокого мужчину с синими глазами, бородой и в дурацкой красной бейсболке с двумя рогами. Я открыла дверь и сказала:

– Привет, я – Диана, а это… – и, глядя на то, как моя овчарка чуть не сбивает мужчину с ног, со смехом добавила: – А это Эдвард, герцог Виндзорский, или проще Винни.

Чарльз рассмеялся. Его нисколько не смутили бурные приветствия моего пса.

– Привет, собачка! А вот это тебе, – Чарльз передал мне глиняный кувшин с ежевикой. – Я собрал эти ягоды в собственном саду. Моя бабушка всегда говорила, что дамам надо приносить подарки, чтобы они улыбались.

Я пригласила его в гостиную и угостила кофе, а затем со всеми подробностями рассказала, как прошло прослушивание и как я получила роль. Еще добавила, что видела постановку пьесы «Абеляр и Элоиза» в Лондоне, а потом в Нью-Йорке. Не помню, задавал ли он наводящие вопросы, но почти уверена, что ему было искренне интересно.

Мы немного поболтали у меня дома, а потом поехали в торговый центр «Харборплейс». В машине Чарльз неожиданно повернулся ко мне и сказал:

– Знаешь, Ди, у меня такое чувство, будто мы знакомы уже тысячу лет.

Я улыбнулась и кивнула. С любым другим мужчиной эта фраза показалась бы мне банальным приемом соблазнения, но не в этот раз.

За ужином мы выяснили, что оба в детстве обожали egg cream – напиток из молока и содовой воды с сиропом; обсудили «Маленького беглеца» – мрачный низкобюджетный фильм 1940-х годов о том, как маленький мальчик убегает на Кони-Айленд; а также вспомнили Бруклин, в котором оба выросли.

А потом я спросила об отношениях Чарльза с родителями. Он помрачнел. Очевидно, ему совершенно не понравился мой вопрос.

– Я не в состоянии находиться рядом с ними больше десяти минут. Моя мать совершенно ужасная и очень назойливая. Я просто не могу слышать ее голос, от которого у меня тут же начинается головная боль. Мой отец – мерзкий и

совершенно бесхарактерный тип.

Этот ответ меня шокировал. Тем более из уст психиатра. Уж кто-кто, а он мог бы уже давно проработать свои детские обиды.

Несмотря на этот неприятный эпизод, вечер получился просто волшебным. После ресторана Чарльз привез меня домой, мы сидели на веранде и пили вино. Сквозь листву высоких дубов мерцали звезды. К ощущению уверенности и спокойствия оттого, что мы, казалось, были уже давно знакомы, прибавились новые, более яркие и интенсивные чувства. Мы смотрели друг другу в глаза, Чарльз обнял меня и начал целовать. Тут дверца с москитной сеткой перед входной дверью открылась, из дома выскочил Винни, бросился между нами, уронил бокалы с вином и начал нас облизывать.

Мы рассмеялись. Казалось, Чарльз совсем не расстроился, что нас так не вовремя прервали.

Глава 2

После нашего первого свидания я долго не могла уснуть. Прокручивала в голове сцены этого вечера, гадала, не лучше было бы ответить по-другому или не задавать тот или иной вопрос. Самое главное – в конце Чарльз просто попрощался, не предложив встретиться вновь. Может быть, я все испортила, когда спросила про родителей…

Когда сон все-таки начал побеждать, внезапно залаял Винни, запрыгнул на постель и начал стягивать с меня одеяло, а затем побежал к входной двери, оглядываясь и призывая меня пойти с ним.

– Что такое, Винни? Ты что-то услышал или просто хочешь выйти погулять? – Я с трудом поднялась из теплой постели, подошла к двери и выглянула наружу.

На веранде лежал букет ярких цветов, а в нем записка:

«Ди, я получил огромное удовольствие от проведенного с тобой вечера. Надеюсь, что нас ждет еще много таких вечеров. Чарльз».

«Как это мило», – подумала я, поставила цветы в стеклянную вазу кобальтового цвета и спокойно уснула, на сей раз уверенная, что ничего не испортила.

Утром позвонил Чарльз.

– Хотел пожелать доброго утра, – сказал он. – Я только что приехал в больницу.

– Доброе утро! Ночью я нашла цветы! Это так неожиданно! Спасибо тебе большое.

– Надеюсь, мой ночной визит тебя не напугал. Только не подумай, что я сумасшедший преследователь! Не хочешь приехать ко мне в гости в следующую пятницу после работы? Я приготовлю ужин. Возьми с собой Винни, и он может носиться здесь сколько душе угодно.

Я ответила, что с удовольствием приеду.

В ту неделю мы часами говорили по телефону. Чарльз рассказывал о себе и о своем детстве. Мальчишкой он часами катался на велосипеде и делал разные опасные трюки на крутых склонах в парке Форт-Трайон рядом с рекой Гудзон. А еще был очень способным учеником.

– Когда я учился в первом классе, – рассказывал мне Чарльз, – то получил стипендию на обучение в престижной гимназии, но мой отец пожалел сто долларов, которые требовались на оплату дороги до этой гимназии и обратно.

По тону Чарльза я поняла, что обида на отца до сих пор живет в нем.

Еще он поведал мне, что у его матери была депрессия, из-за которой она дважды ложилась в больницу. В первый раз это случилось сразу после того, как родился младший брат Марк. Самому Чарльзу было на тот момент пять.

Я тоже делилась с ним своими историями из жизни. Даже теми, которые никогда не рассказываю новым знакомым.

Например, что мой старший брат Пол нещадно издевался надо мной. В подростковом возрасте он начал экспериментировать с наркотиками, и тогда издевательства стали более извращенными, и я никогда не знала, в какой момент он остановится. Если вообще остановится.

Я помню его бурные ссоры с родителями. Часто скандалы заканчивались тем, что Пол кидал в стену посуду и все что под руку попадется. С какого-то момента я начала прятать ножи перед такими ссорами. Но старалась всегда быть поблизости. Я искала способы защитить себя и научилась смотреть на происходящее отстраненно, так, словно это не мои близкие. Однажды я подумала: «С такими навыками мне самая дорога в психоаналитики».

У Чарльза было все гораздо спокойнее. А потому мне не понравилось то презрение и высокомерие, с которыми он отзывался о родителях. Но тогда я не стала развивать эту тему: в конце концов, мы были знакомы всего несколько дней. Я словно заархивировала ситуацию, сохранив ее на дальней полке моего сознания.

В пятницу вечером мы с Винни отправились в гости к Чарльзу. Мы проезжали мимо огромных полей, засаженных кукурузой, мимо лугов и загонов для лошадей и жеребят. По извилистому шоссе я миновала псарню, в которой разводили биглей, и небольшой указатель, показывавший путь к винограднику.

Дорогу перебежал черный котенок, и я резко ударила по тормозам. Живой и невредимый, он исчез в кустах. А я вспомнила один из наших телефонных разговоров с Чарльзом:

– Наверное, я был хулиганом. Года в три я нашел черного котенка и засунул его в канализационную трубу, чтобы посмотреть, как он из нее выберется.

– И котенок выбрался?

– Не знаю.

Дорога сделала очередной поворот, я проехала красный сарай и увидела сложенный из крупных камней дом постройки 1890-х годов, который описывал мне Чарльз. Неприятное чувство внутреннего дискомфорта исчезло и сменилось

радостным ожиданием, когда я свернула к коттеджу и увидела Чарльза, стоявшего на веранде и махавшего мне рукой. Винни обрадовался ему и, выскочив из машины, чуть не сбил Чарльза с ног.

– Пока еще светло, давай я покажу вам ферму. Хотя я арендую, но чувствую себя как владелец и помещик.

Чарльз улыбался, его борода блестела в солнечных лучах, и голос был глубоким и сексуальным. Он взял меня за руку и провел под увитой виноградной лозой аркой, мимо ограды из кустов, усыпанных ягодами ежевики. Винни бежал впереди нас и все время оглядывался. Чарльз обратил мое внимание на то, что на фасаде дома чуть ниже уровня крыши был выложен камнями год его строительства – 1898. Очаровательно.

Мне очень понравились старые ставни, которые, в отличие от современных, надо было открывать и закрывать с внешней стороны дома, а также колодец рядом со входом. Чарльз сказал, что это был единственный колодец во всей округе, который не работал от электрического мотора, и, когда отключали электричество, соседи приходили к нему за водой.

На территории было два больших амбара. Один Чарльз использовал в качестве гаража, а другой как мастерскую, в которой плотничал. На чердаке амбаров хранилось сено. Мы залезли наверх, упали на гладкие тюки и смеялись над Винни, который забирался на них и тут же соскальзывал. Потом мы вышли на улицу и гуляли, вдыхая сладкий летний воздух и наслаждаясь солнцем. Мне очень понравилось «поместье». У Чарльза была готова история про все, на что я обращала внимание.

Вслед за Винни мы пошли к пруду, заросшему высокой травой. За ним начинались поля кукурузы. В воде плавали кувшинки, отражения которых блестели и искрились в солнечных лучах. Винни прыгнул в пруд, разрушив спокойствие водной глади и обрызгав нас.

Мы рассмеялись.

– Ди, здесь рядом есть магазин, в котором делают мороженое из фруктов, выращенных прямо на ферме. Давай съездим и купим его на десерт? – спросил Чарльз и сжал мою ладонь.

– Отличная идея. Я обожаю мороженое.

Мы зашли в сарай и сели в старый Peugeot Чарльза. Винни запрыгнул на заднее сиденье. Проехав минут десять, остановились около небольшого магазина, поблизости от которого не было никаких поселений.

– Ничего себе! Ты посмотри, сколько здесь разных вкусов, – сказала я, рассматривая выкладку мороженого под стеклом витрины. – Я даже и не знаю, что выбрать.

– А давай попробуем все, – предложил Чарльз.

– Вы уже определились? – спросила женщина за прилавком.

– Да! Нам, пожалуйста, кварту[4 - Кварта – единица измерения сыпучих или жидких объемов в англоязычных странах; кварта для жидкостей в США равна 946,35 мл.] черничного с вишневым, кварту клубничного с персиковым и кварту вишневого со сливовым.

Меня ужасно удивило количество заказанного мороженого. Чарльз рассмеялся, прочитав мои мысли.

– Рано или поздно мы все это точно съедим.

Я улыбнулась, и мы вернулись в дом.

Чарльз приготовил гребешки под соусом из ангостуры[5 - Ангостура – популярный венесуэльский алкогольный напиток, концентрированный биттер.] с гарниром из спаржи. Ужин был вкуснейший.

– Ты изумительно готовишь. Ты все делаешь так же хорошо, за что бы ни взялся? – спросила я.

– Это тебе еще предстоит узнать! – ответил Чарльз.

Вечер был прекрасен. Мы с Винни провели там все выходные и уехали только утром в понедельник.

Так начался наш роман: с громким смехом, задушевными разговорами, замечательным сексом и большим количеством мороженого.

Мне было очень хорошо и приятно. Мы болтали часами, пили вино, сидели на крыльце, любовались закатом, а иногда даже встречали рассвет. Когда мы не были вместе, то много и часто говорили по телефону.

Очень скоро я осознала, что совершенно не успеваю выучить слова Элоизы, и без особых сомнений отказалась от роли. Чарльз нисколько не повлиял на мое решение не участвовать в спектакле. Или, по крайней мере, мне тогда так казалось. Сейчас я понимаю, что с самого начала ставила Чарльза и отношения с ним на первый план по сравнению со всем остальным, включая работу и увлечения. «А какая женщина не поступила бы так же на моем месте?» – думала я тогда.

Я просто заменила свои пристрастия интересами Чарльза. Мы ходили в походы и плавали на байдарках. А когда в декабре выпало много снега, каждые выходные катались на лыжах, а по вечерам грелись у камина.

– Не хочешь сходить на свой день рождения в ресторан Dominique’s в Вашингтоне? – спросил однажды зимним вечером Чарльз, разжигая огонь в очаге.

– С удовольствием. Я слышала, что там интересная и экзотическая кухня. Это будет отличный вечер, – ответила я.

– Как же я тебя люблю.

Я не знаю, говорил ли Чарльз в тот момент осознанно или просто ему было хорошо сидеть в моей компании перед камином и пить из большой кружки ароматный глинтвейн с корицей и кальвадосом[6 - Кальвадос – яблочный или грушевый бренди, получаемый путем перегонки сидра.], но я тогда подумала, что наши отношения никогда не закончатся. Отблески пламени в старом очаге

сливались с лучами солнца из окна, падавшими на черно-белое одеяло, в котором мы чувствовали себя как в мягком и уютном коконе.

* * *

Несмотря на то что у нас с Чарльзом было много общего и нам нравились одни и те же вещи, были и принципиальные различия. Будучи взрослым человеком и имея серьезную профессию, он находился в активном поиске себя и напоминал мне меня саму в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Чарльза привлекал нью-эйдж[7 - Нью-эйдж (англ. New Age, «новая эра») – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.] и похожие на него течения, предлагающие «быстрые» решения всех проблем. Когда мы познакомились, Чарльз ходил на тренинги личностного роста по программе Lifespring, в которой говорили о необходимости отбросить старые представления для создания новой счастливой жизни. Коучи утверждали, что рецепты программы способны изменить обстоятельства к лучшему, и Чарльз относился к этой «философии» с большим интересом.

– Ди, ты просто обязана пройти обучение. Мне оно дало очень много, и я чувствую, что сейчас в гораздо большей степени способен контролировать свою жизнь и свою судьбу. Пройди, по крайней мере, базовый курс. Я за него заплачу. И тогда ты поймешь, как много я получил от этой программы.

Мне хотелось встряхнуть Чарльза за плечи и сказать: «Эй, ты же психиатр, единственное, что ты можешь делать на таких тренингах, – это искать себе новых клиентов». Но я решила, что наши отношения важнее и от меня не убудет, если я таки пройду этот курс.

Чарльз взял себе Винни на те дни, когда я буду отсутствовать. В феврале я поехала из Балтимора в Виргинию. Прогноз погоды по радио обещал, что в этих местах ожидается метель и выпадет много снега. Но, когда я добралась до мотеля, в котором остановилась, снегопад еще не начался.

Занятие началось в семь часов вечера. Коучем от Lifespring был красавец Эндрю, одетый в итальянские костюм и туфли. Внешность наставника, вне всякого сомнения, должна была сделать программу еще более привлекательной для всех начинающих.

Несмотря на цветущий вид Эндрю, мы узнали, что раньше его жизнь не была такой уж замечательной. Он пребывал в депрессии и без гроша в кармане. Но потом нашел Lifespring, и в его жизни все переменилось. Сейчас Эндрю тридцать пять лет, он женат, ожидает рождения первого ребенка и путешествует по стране, проповедуя «философию» Lifespring для того, чтобы помочь всем желающим изменить себя и свою жизнь.

После вступительного слова Эндрю началось обучение. В рамках программы были лекции, групповые и парные упражнения (последние надо было проводить со своим соседом). Кроме этого, люди много и подробно делились наболевшим. Некоторые моменты курса были в принципе любопытными, но я чувствовала себя как наблюдатель, и больше всего меня интересовало то, как участники рассказывали о себе и насколько были готовы пожертвовать независимостью своего мышления и суждений. В этом Lifespring было что-то очень напоминающее секту.

К середине пятницы снега навалило столько, что я уже начала беспокоиться. Он продолжал идти в субботу и большую часть воскресенья. Одну ночь я даже спала в лобби отеля, потому что не могла добраться до своего домика. К вечеру воскресенья, когда тренинг закончился, я думала только о том, смогу ли откопать машину из снега. Выходя из конференц-зала, в лобби отеля я увидела тепло одетого Чарльза с улыбкой на лице и с лопатой в руках.

Я подбежала к нему и обняла.

– Что ты здесь делаешь?

– Я не был уверен в том, что у тебя есть лопата, поэтому приехал и откопал твою машину.

– Ты просто чудо! – воскликнула я и крепко поцеловала Чарльза в мокрые и холодные губы.

Мы долго стояли обнявшись. Потом нашли китайский ресторан, поужинали, съели на десерт мороженое, значительно уступавшее по вкусу фермерскому, и поехали в Балтимор на двух машинах. Чарльз – впереди, я – за ним. Вокруг было удивительно красиво – безмолвие накрытого снегом мира. Разве выходные,

потраченные на Lifespring, такая уж большая цена для счастья?

Чарльз проводил меня до дома и пообещал утром привезти Винни. Я приняла горячий душ и уселась с чашкой чая на диване в гостиной, как вдруг раздался телефонный звонок. В два часа ночи? Должно быть, Чарльз хочет сказать, что благополучно добрался до дома.

Я сняла трубку, но услышала только дыхание. Дважды резко спросила, кто это, и на том конце положили трубку.

«Черт! Что это еще за напасть?» – подумала я.

Подобные звонки повторялись несколько раз в следующие два месяца. В основном по ночам, но иногда вечером или даже рано утром. Только дыхание и ни одного слова. Я решила, что это кто-нибудь из моих пациентов, но не могла понять, кто именно. Со временем эта ситуация стала не просто раздражать, но и пугать меня. Я обратилась в телефонную компанию и полицию. Звонки на мой номер стали отслеживать, и я ждала, когда правоохранители сообщат о результатах расследования.

Через несколько недель мне позвонили.

– Доктор Померанц, нам удалось установить личность человека, который вам звонит, – деловым тоном заявил полицейский.

– И вы знаете имя? – мое сердце учащенно забилось, в горле пересохло.

– Да, конечно. Ее имя…

Ее? Так это была женщина?

– …Мара Винтерс. Вы ее знаете?

– Нет, я понятия не имею, кто это. Зачем эта женщина меня беспокоит? Совершенно ясно, что она не ошибается при наборе номера, потому что звонила

мне сотни раз в любое время дня и ночи.

– Мы продолжим наше расследование и сообщим вам о его результатах, а также о дате проведения суда, если до этого дойдет.

– А кто такая эта Мара Винтерс? – спросила я, чувствуя, что предоставленная полицейским информация абсолютно не проясняет ситуации.

Вечером приехал Чарльз, и я пересказала ему разговор с представителем полиции.

– Это Мара?! – вид у него был совершенно ошарашенный. – Просто невероятно, я не верю своим ушам.

– Так ты ее знаешь? Кто она такая? – я была в полном шоке оттого, что ему было знакомо имя этой женщины.

Чарльз не ответил на мой вопрос.

– Никогда бы не подумал, что она на это способна, – сказал он через несколько секунд будто бы самому себе.

– Кто такая Мара Винтерс? Ты так и не ответил на мой вопрос!

– Ну, это женщина, с которой я познакомился приблизительно в то же время, что и с тобой. Я с ней иногда встречаюсь. Просто в голову не лезет, что Мара тебе названивает.

– Подожди, пожалуйста. «Встречаюсь» означает, что ты ходишь с ней на свидания? Или ты с ней спишь? – от злости меня начало трясти. – Удивительно, что тебя больше волнует то, что Мара звонила, а не то, что ты меня обманываешь. Ты считаешь, это нормально – встречаться сразу с двумя женщинами и так спокойно мне об этом заявлять?

Мои мысли смешались. Мы с Чарльзом были вместе уже семь месяцев, и я не понимала, как в этой ситуации он может вести себя так невозмутимо.

В ту ночь мы проговорили несколько часов и решили, что надо взять паузу. Точнее, Чарльз это предложил:

– Давай отдохнем друг от друга и поймем, что каждому из нас надо.

«Вернее сказать, это ты выберешь, какая из двух женщин тебе нравится больше», – подумала я.

– Мы не будем видеться минимум две недели и максимум пять. А потом встретимся и поговорим, – продолжал он.

В моей голове звучали слова Элоизы, которые я успела выучить: «Видения похотливых удовольствий, которые мы делили, настолько охватили мою несчастную душу, что я думала не о молитве, а о распутстве. Я должна была каяться в совершенных грехах, но лишь вздыхала о том, что потеряла».

– Я вижу, ты не до конца уверен, чего хочешь. Но я про себя знаю точно. Мне нужны честные отношения и никакие другие, – произнесла я, и каждое сказанное слово было словно воткнутая в сердце иголка.

На шестой день нашей «паузы» Чарльз позвонил мне и попросил увидеться раньше.

– Я очень по тебе скучаю. Я закончил отношения с Марой.

Я была несказанно рада. До тех пор пока мы не увиделись снова почти через неделю после расставания.

– Расскажи, как ты расстался с Марой? – задала я вопрос, разливая по бокалам вино, в то время как Чарльз разжигал камин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Топиарный сад Харви Ладью (англ. Ladew Topiary Gardens) – частное поместье и парковая территория в штате Мэриленд, США.

2

Пьер Абеляр – средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант. Элоиза – возлюбленная, тайная супруга и ученица Абеляра, выдающаяся для своего времени женщина.

3

Дама Энид Дайана Элизабет Ригг – британская актриса, Дама-Командор ордена Британской империи.

4

Кварта – единица измерения сыпучих или жидких объемов в англоязычных странах; кварта для жидкостей в США равна 946,35 мл.

5

Ангостура – популярный венесуэльский алкогольный напиток, концентрированный биттер.

6

Кальвадос – яблочный или грушевый бренди, получаемый путем перегонки сидра.

7

Нью-эйдж (англ. New Age, «новая эра») – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Купить: https://tellnovel.com/pomeranc_diana/zhena-psihiatra-kogda-lyubov-stanovitsya-diagnozom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити